

УДК 82-94

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ ЭЙХЕНБАУМ

(4 октября 1886 г. – 24 ноября 1959 г.)

ЯКОБСОН Роман,доктор филологии, профессор славянских языков и литературы,
Гарвардский университет, США

АННОТАЦИЯ. Некролог известнейшего филолога, современника Эйхенбаума – Романа Якобсона, в 30-е годы иммигрировавшего из СССР, был опубликован в России впервые в одном из научных сборников материалов «Эйхенбаумовских чтений».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метод, стиль, диалектическое самодвижение, научная поэтика, анализ художественного слова.

BORIS EICHENBAUM (October 4, 1886 – November 24, 1959)**JAKOBSON Roman,**Dr. of Philology, Professor of Slavic languages and literature,
Harvard University, USA

ABSTRACT. The obituary of the famous philologist - Roman Jakobson, in the 30 years immigrated from Russia was translated and published for the first time in one of the collections of materials «Eichenbaum's Readings».

KEY WORDS: method, style, dialectical self-motion, scientific poetics, analysis of artistic expression.

В некрологах и предисловиях к посмертным изданиям трудов Б.М. Эйхенбаума критики и ученые СССР славят его как «крупного исследователя» (Б. Бурсов), «крупнейшего советского литературоведа» (Б. Бухштаб), «крупнейшего текстолога» (В. Вильчинский), «крупнейшего знатока классической русской литературы» (П. Берков).

В 1907 году, студентом-второкурсником Военно-медицинской академии, Борис Михайлович опубликовал в «Вестнике знания» свою первую историко-литературную статью, «выскочившую еще среди занятий анатомией», под заглавием «Пушкин – поэт и бунт 1825 года», а в следующем году он перешел на филологический факультет Петербургского университета, но два года провел сначала в романо-германском, затем – в славяно-русском отделении, в 1914 г. был оставлен при университете на кафедре русского языка и словесности, в 1918 г. начал там свою преподавательскую деятельность.

По словам самого Эйхенбаума, для него этот год «как в методе, так и в стиле» ознаменован «переломом». Правда, уже в своей статье о поэтике Державина (1916) автор решительно осудил академическую историю литературы за то, что она «изучает не самый предмет, а больше и охотнее всего – его генезис, условия, его окружающие», и особенно за то, что она «остается наукой догматической и притом скрывающей свою догматику», но только с 1918 года в работах Эйхенбаума подлинной сутью становятся конкретные «проблемы поэтики самой по себе».

Выбор героя литературоведческих трудов всегда бросает ясный свет на исследователя. Начиная с первых заметок Эйхенбаума о Толстом (1913) и Лермонтове (1915), оба этих писателя почти полвека неизменно оставались центральной темой его неутомимых разысканий и основоположных трудов. «Отличительной чертой внутренней и внешней биографии Толстого» Эйхенбауму (1939) представлялась «непрерывная и иногда очень резкая изменчи-

вость его взглядов и его поведения», и уже в своей ранней статье о Толстом автор усматривал естественное завершение его творчества в осуществленной мечте «ясно высказать текучесть человека». Каковы бы ни были многообразные переломы во внутренней и внешней биографии Эйхенбаума, его постоянно увлекал Лермонтов, «лихорадочно бросающийся от одних форм и жанров к другим, ... всегда недвольный, всегда возвращающийся к прежним опытам, начиная заново, вставляя старые куски и придумывая новые положения» (1922), поэт, «действительно переживший очень глубокую и сложную эволюцию, пожалуй, даже серьезный перелом мировоззрения и художественного метода» и поныне «действительно зашифрованный» (1941).

Неслучайно именно во введении к замечательному «Опыту историко-литературной оценки Лермонтова» (1924) была высказана сокровенная, путеводная мысль Эйхенбаума о диалектическом самодвижении, «движении как таковом – динамическом процессе, который никак не дробится и никогда не прерывается», и, соответственно, выдвинуто настоятельное требование, чтобы «историческое изучение открывало динамику событий, законы которой действуют не только в пределах условно выбранной эпохи, но повсюду и всегда». Обновителя истории словесного искусства, естественно восхитило в суждениях Пушкина именно «характерное для него сознание непрерывности движения литературных форм и его автономности», нашедшее себе яркое выражение в ответе Гоголю о корнях романтизма: «... начало сему явлению надо искать в самой литературе» («Путь Пушкина к прозе», 1922).

Предисловие Эйхенбаума (1923) к своему первому «Сборнику статей» (1924) отвергает праздный лозунг «От содержания к форме» и усматривает «органическое движение современной филологии» на пути «к уяснению основных вопросов поэтики как науки» с собственным предметом исследования взамен якобы объективного, а на деле «скептичес-

ского и беспринципного» подхода к художественным произведениям. Автор настойчиво возражал против самой клички «формалисты», навязанной строителям научной поэтики их ретроградными противниками. «Как объективный термин», по его словам, это прозвище отнюдь «не годится», потому что «прежде всего никакого "формального метода", конечно, нет», и он отвечал оппонентам: «Мы не "формалисты", а уж если угодно – спецификаторы», поскольку «наш принцип – изучение литературы как специфического ряда явлений» (1924). Разработку системы стилистических и композиционных приемов писателя или, шире говоря, поэтику как описательную, так и историческую, и, наконец, необходимо слитую с этой конкретной работой «будущую теорию» он предпочел бы назвать не «формальным», а «морфологическим» подступом к анализу художественного слова (1921).

Как ни выступал Эйхенбаум против попыток «эклектиков и эпигонов» создать некую неподвижную систему «формализма», как ни уверял он, что «никакой такой готовой системы или доктрины у нас не было и нет», сколько ни издевался он над всеобъясняющей теорией, «приготовленной на все случаи прошедшего и будущего и потому не нуждающейся в эволюции» (1925), полемика против мнимых догматов формальной школы все ширилась и обострялась. «На такого рода полемику, – заявил Эйхенбаум, – можно отвечать только новыми научными работами». И пока в начале тридцатых годов полемика не превратилась в репрессии, его творческий диапазон был воистину необычаен.

За одно десятилетие (с 1922 до 1931 года), помимо разнообразных статей и рецензий, он выпустил девять книг, первые и последние книги вышли при жизни автора, редактировал несколько сборников по поэтике прозы, стихов и кино. До недавнего времени, согласно справедливому отзыву Эйхенбаума (1959), «настоящей работы над текстами» в России почти не было; в 1918 году он взялся за это трудное и ответственное дело и уже в течение ближайших лет осуществил образцовое критическое издание нескольких русских классиков. Наконец, в годы, когда Государственный институт истории искусств в Ленинграде широко развил свою новаторскую деятельность (1920–1931), одним из его активнейших руководителей был Б.М. Эйхенбаум, заведовавший в то же время кафедрой русской литературы на филологическом факультете Ленинградского университета и окруженный, как вынуждены были признать даже злейшие недоброжелатели, тесным кольцом восторженных учеников.

Перед исследователем, направившим свое внимание в первую очередь на выяснение «внутренней диалектики стилей и жанров», встал императивный «вопрос о значении многообразных связей и соотношений», который для анализа специфических проблем поэтики был «второстепенным или даже посторонним». В пресловутом журнале «На литературном посту» Эйхенбаум уже в 1927 году изъявил готовность взять на себя поиск посильного исследовательского ответа на вопрос о «смене проблем», и именно этой злостной проблематике посвящены его последующие сочинения.

Но если, по словам Эйхенбаума, «проблема литературы как таковой заслонилась», в этом было повинно не одно лишь властное давление обстановки тридцатых годов, то об избитых исканиях Эйхенбаума и его соратников на путях к построению научной поэтики может быть повторено некогда

сказанное им • *К научной биографии Б.М. Эйхенбаума русских символистов. «Играющая судьба»* и потому, что не случайна она, не обрушилась извне, а давно готовилась и надвигалась изнутри» (1921).

Пробная лекция, прочитанная весной 1918 года в ученом совете филологического факультета, была развернута Эйхенбаумом в его первую, актуальную и поныне книгу «Мелодика русского лирического стиха» (1922).

Изумительная чуткость к поэзии и мастерский анализ разнообразных примеров позволили автору наглядно обосновать тезис о синтаксических явлениях, которые «из фактов грамматических превращаются в факты художественно значимые»: стихотворный синтаксис, как было остро подмечено уже О.М. Бриком, «строится в неразрывной связи с ритмом – со строкой и строфой» и «из простой грамматической формы ... становится здесь формантой». Радикальный отход этой работы Эйхенбаума от ритмико-мелодической концепции Э. Сиверса представляется автору отрывом от лингвистики, между тем как на деле, в противовес внешне-фонетической позиции Сиверса и его учеников, Эйхенбаум, наоборот, приближается именно к лингвистической трактовке стиха, интуитивно вводя мелодику в круг фонологических проблем.

«К лингвистике я не был подготовлен своим прошлым», – признавался, однако, сам автор (1929). Лингвистические промахи в анализе поэтической речи неоднократно отмечались его критиками-профессионалами; повторная проповедь отмежевания поэтики от лингвистики (1922, 1925) опиралась на узкое отождествление лингвистики с языковедческой догматикой девятнадцатого века, игнорировавшей многообразие речевых функций, в частности поэтическую функцию, и как раз откол от лингвистики помешал воспользоваться ее нарастающими структуральными устремлениями и ее плодотворной связью с семиотикой, т.е. общей теорией знаков, и дать поэтике крепкий методологический фундамент.

Окажи эти мощные стимулы свое благотворное действие, едва ли исследователь литературного мастерства мог бы сказать, как это сделал Эйхенбаум, что история передала весь вопрос «эпигонам, которые с отличным усердием..., но без темперамента занимаются изобретением номенклатуры и показыванием своей эрудиции» (1927). Если автор «Мелодики стиха» справедливо утверждал, что «своим возрождением, наблюдаемым в наши дни, поэтика обязана больше всего лингвистике» (1922), то также несомненно, что лишь только «первоначальная связь ... с лингвистикой значительно ослабела» и укоренилось поверие, что «в специальной поддержке со стороны лингвистики» искатели поэтики «уже не нуждались», естественно надвинулась угроза неминуемого упадка.

Если в художественном слове только художество, только слово сосредоточивало внимание опоязавца Эйхенбаума, то в работах его последних тридцати лет произведения словесных искусств, например те же стихи Лермонтова и повести Толстого, служат все больше, зачастую исключительно, документами социально-политическими, биографическими и общественно-философскими. Потуги к компромиссам между обоими подходами претят исследователю. Не может быть, говорил он сначала, беспринципного, «мирного сосуществования десяти принципов, не может быть и двух принципов» в одном научном труде: «мы видим не все факты сра-

зу», значимость одних заслоняет от наблюдателя другие. В новых опытах Эйхенбаума поэтика была попросту снята с очереди, и только изредка по старинке проскальзывают меткие, испытанные наблюдения над тем, «как сделано».

Надо сказать, что и в этом, новообретенном документальном подходе Эйхенбаум обнаружил несравненно большую зоркость, чем присяжные источниковеды. Свежесть его сопоставлений, неослабная ненависть к казенному штампу, к литературе о классиках, «застывшей на иконописной точке зрения», глубокое знание и последовательный учет внутренней преемственности и международного фона, а в особенности, как верно отметил Берков, «живое историческое чувство», – все это придавало высокую историко-культурную ценность поздним экскурсам Эйхенбаума и в то же время делало их благодарной мишенью для зоилов эпохи «культы личности».

Пакостнейший образец этих обличений, напечатанный в «Звезде» 1949 года, объемистый пасквиль некоего Б. Панковского под заглавием «Формализм и эклектика профессора Эйхенбаума» кишит клеветническими, безграмотными наговорами, беззастенчивыми передержками, черносотенными намеками и тушыми издевательствами над ученым, только что лишившимся всех своих учебных и научных функций в Ленинградском университете и в Пушкинском Доме, где пятнадцать лет он вел исследовательскую и редакционную работу. Вывод доносчика: «Почти за сорокалетний период своей деятельности проф. Эйхенбаум не смог преодолеть порочные методы формализма и буржуазного литературоведения. Упорно отстаивая формализм и буржуазное литературоведение, Эйхенбаум ни разу не выступил в печати с критикой своих ошибок. Отрицая на словах роль идей и идеологии, Эйхенбаум на деле оказался в плену реакционной буржуазной идеологии. Его воинствующий идеализм эклектически сочетал в себе позитивизм, интуитивизм, неокантианство, плюрализм, "энергетизм" как разновидность махизма. Практически это выразилось во враждебном отношении к марксизму-ленинизму в начале революции, к советской литературе и культуре. Пренебрежение к русской культуре и низкопоклонство перед буржуазным Западом привело его к космополитизму <...> Многолетние писания и пухлые монографии о Толстом ни на йоту не продвинули вперед литературную науку. В действительности Эйхенбаум является представителем безыдейного (sic!) декадентского болога формалистов-эклектиков и космополитов».

С 1949 по 1953 год, не считая двух страничек в «Огоньке» к сорокалетию со дня смерти Толстого, ни одной статьи не вышло из-под пера плодovitого исследователя. С 1918 года до самой смерти изощренный текстолог кропотливо трудился над впервые научным изданием русских писателей прошлого века – Лермонтова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого, Гоголя, Писемского и Полонского, но даже в этой явно неотложной публикационной работе в то время настал зловещий пятилетний перерыв.

В 1956 году Эйхенбаум наконец возвращается в Пушкинский Дом, и для ученого вновь началась пора кипучей деятельности. Он готовит новый труд о Лермонтове и, продолжая верить, что история «есть особый метод изучения настоящего при помощи фактов прошлого», он живописует лермонтовские тридцатые годы в свете личного опыта не-

давних тридцатых годов. Эскизы к незаконченной книге Эйхенб. • К научной биографии В.М. Эйхенбаума поздних «Статьи о Лермонтове» (1951). После второго тома монографии «Лев Толстой», изданного в 1931 году, ее третий том, давно готовый, был выпущен лишь в 1960 году, после кончины автора.

В кратких автобиографических заметках Эйхенбаума под петербургскими годами гражданской войны значится – «Голод, холод, смерть сына. Жизнь у окопной печки». Годы отечественной войны ознаменовались новыми утрациями. Тогда же, «при эвакуации большого ученого из Ленинграда в марте 1942 г.» погиб в числе прочих рукописей Эйхенбаума его долголетний труд – четвертый том монографии о Толстом. С необыкновенной жизненной силой и вечный труженик противостоял всем горестям и невзгодам своей внутренней и внешней биографии.

«Мой современник» (1929), смиренно признавший «смену проблем» и бесстрастно поставивший крест над опоязовским прошлым автора, открывается обращением «К читателю» с неожиданной, парадоксальной хвалой «игре воображения». Фразой – «Жизнь без игры становится иногда слишком скучной» – заканчивается короткое предисловие.

Той же тихой и безжалостной иронией звучит вынужденное покаяние автора замечательной книги об Анне Ахматовой (1923) и «Мелодика русского лирического стиха» (1922) на собрании Пушкинского Дома осенью 1946 года: «Недавно я выступал несколько раз с лекциями об Ахматовой. Совершенно ясно, что это была с моей стороны политическая ошибка <...> Я не учел того, что интонация (ее) новых стихов осталась трагической, а трагическая окраска и тон сейчас, в момент острого конфликта между нами и нашими врагами политически вредны... Я понимаю свои ошибки, <...> совершенные в силу политической наивности».

На вопрос организаторов Международного съезда славистов в Москве (1958): «Как произошёл переход от романтизма к реалистической литературе в славянских странах?», – именно острое ощущение реальности подсказало Эйхенбауму его ответ. «Вопрос поставлен не как научная проблема, а как вопрос на экзамене – с предполагаемым готовым ответом», и «неясно, о чем идет речь: о теориях романтизма или о художественных произведениях». Заявляя, что «научное обсуждение вопросов о романтизме и реализме требует коренного пересмотра традиционной и совершенно обветшалой системы историко-литературных понятий, <...> давно утративших свое прежнее содержание», и что «только авторы школьных учебников» знают, «где у Пушкина, Гоголя или Мицкевича переход от романтизма к реализму». Эйхенбаум почти дословно возвращается к своим прежним опытам теории так называемого формального метода (1925), объявившим традиционные рассуждения о «романтизме» и «реализме» «ненужными и ничего не уясняющими», и он заново готов развернуть вопрос о «специфических особенностях искусства и художественного творчества».

В сентябре 1961 года плодотворное совещание в Горьком по научному анализу языка художественных произведений, объединившее математиков, лингвистов и литературоведов, воздало должное русским стиховедческим опытам десятых и двадцатых годов и вынесло резолюцию о необходимости переиздания старых советских работ в области поэтики. Проблемы поэтики были снова поставлены

на очередь в русской науке, но Эйхенбаума уже не было.

24 ноября 1959 года в Ленинградском доме писателей шла новая пьеса Анатолия Мариенгофа, и В.М. Эйхенбауму предложили произнести вступительное слово. Ему было не по себе, но суеверный страх драматурга перед его отказом побудил Эйхенбаума все же выступить. Свою яркую, сжатую речь оратор закончил словами: «Самое главное для докладчика во время кончить; на этом я умолкаю». Сошел с эстрады, занял в первом ряду свое место возле внучки и, пока затихали аплодисменты, умер, склоня голову на ее плечо. В дни ОПЮЗа он нередко задумывался над кульминационным пунктом,

катарсисом, и • К научной биографии В.М. Эйхенбаума новеллы и писал о «сознании особой важности финального удара».

В Пушкинском Доме над телом усопшего, наискосок, все еще висела вчерашняя стенгазета, а в ней прощальный донос на покойника, сочиненный запоздалым подражателем Панковского – «развернутый в финале анекдот», согласно терминам молодого Эйхенбаума. Кто-то брезгливо прочел и, тряхнув стариной, обмолвился «Словом о полку Игореве»: «... а звери кровь полизаша». Нескончаемые вереницы ученых, учеников, читателей шли проститься с утраченным дорогим другом, которого навсегда утратили.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Якобсон Р. Борис Михайлович Эйхенбаум (4 окт. 1886 – 24 нояб. 1959) / Р. Якобсон // International journal of Slavic linguistics and poetics. – 1963. – № 6. – С. 160–167.